

В истории Бурятской милиции, в том числе и Бичурской, было немало героических и скорбных страниц. Благодарная память бичурян старшего поколения сохранила имена сотрудников НКВД-МГБ-МВД, оставшихся в людской памяти как образцы добропорядочности и честности. Среди них Луферт Фолуменович Васильев, лейтенанты милиции Таюрский, Климов, служившие в Бичуре в предвоенные и военные годы. Не раз в воспоминаниях земляков (в частности Федора Терентьевича Перелыгина) всплывало имя лейтенанта Симакова - начальника Бичурской милиции, убитого при задержании дезертира. Подробности этой драмы, к сожалению, уже никто не помнит.

Герои этой публикации - младший лейтенант Дмитрий Каратаев, сотрудник Бичурской милиции, и его семья в войну жили в Бичуре. А через 60 лет Бичурский ОВД возглавит его внук подполковник А.Н. Каратаев. От Алексея Николаевича я и узнала, что его здравствующий отец Николай Дмитриевич, будучи подростком, знал об убийстве Симакова из первых уст (от отца). На мою просьбу внести ясность в эту драматическую и забытую историю и написать воспоминания о бичурском периоде жизни Николай Дмитриевич Каратаев, ныне подполковник милиции в отставке, ответил незамедлительно, обстоятельным письмом, предпослав ему заглавие: «Бичура, я помню тебя!». Вызывают восхищение и благодарность добрая памятьливость автора воспоминаний, ветерана МВД, проживающего ныне в г. Волгограде.

Н. Коробенкова.

В ноябре 1942 года мой отец Дмитрий Филиппович Каратаев, младший лейтенант милиции был переведен на службу из Нижнеангарска в село Бичура. Служил он в органах милиции оперуполномоченным райотдела. Переезд в Бичуру был сопряжен с многими трудностями для нашей многодетной семьи. В те далекие годы выехать из Нижнеангарска можно было только паромом или самолетом. Последний рейс ледокола «Ангара» в навигации 1942 года стал нашим. Холод и шторм на Байкале изрядно утомили нас за трое суток плавания. Далее по железной дороге от порта «Байкал» по тоннелям, по живописным берегам «славного моря», по долине Селенги мы доехали до Улан-Удэ. Здесь наша семья задержалась более чем на неделю. Как я помню, по причине, связанной с поиском автомашины, чтобы добраться до Бичуры. В конце концов нам был выделен грузовик-полуполторка с двигателем, работающем на энергии сжигаемых дров, - газогенераторе. Энергию для двигателя вырабатывали две колонки, подпитываемые деревянными чурочками. Эти чурочки лежали ворохом в задней части кузова, а впереди, у кабины, сидели мы - трое старших детей и отец, который загружал топки колонок дровами. Мама с младшей сестренкой ехали в кабине.

В ноябре в Бурятии настоящая зима, много снега, мороз до 30° Бичурский тракт, покрытый слоем укатанного снега, представлял собой каток. Во избежание скольжения на колесах машины закрепили цепи. Помню довольно тревожный для всех нас случай на дороге. На одном из перевалов, (на Загане) от небольшого ручейка образовалась наледь, и проехать по этому участку было очень сложно. Машину стаскивало влево под уклон даже при медленном движении. Она шла юзом к обочине. Нависла опасность опрокидывания грузовика. Мы все вышли из машины, помогли шоферу и отцу набросать ветки, палки под колеса и постепенно, примерно через час борьбы с гололедом преодолели этот короткий участок дороги.

Приехав в Бичуру, наша семья разместилась в маленькой комнатке (как мне сейчас представляется, ее размер не более 10 кв. м.), которую сняли у пожилых хозяев-семейских. Они поначалу очень настороженно относились к нам, т.к. мы не принадлежали к их клану староверов. Постепенно, день за днем настороженность пропадала, а когда мама попросила у них пуд картошки, предложила взамен плитку прессованного чая, они с радостью стали обеспечивать нашу семью картошкой, молоком и другими

продуктами. Чай наша семья запасла еще в Нижнеангарске, т.к. северные районы БМАССР лучше, чем южные, обеспечивались продуктами первой необходимости (чай, сахар, масло), а бичурские семейские без чая очень страдали. Через много лет я спросил маму: «Сколько чая, который спас нас от голода, мы привезли с собой в Бичуру?». Она сказала: «Чемодан - 50 штук».

Была война, фашисты продвигались вглубь нашей страны. Отец неоднократно писал рапорты начальству с просьбой направить его в Красную Армию, на фронт, но получал отказы. Мотивы же отца на участие в боевых действиях были весьма веские. В 1941 и в начале 1942 года погибли два его родных брата, причем у одного из них осталось пятеро детей. Желание отомстить за смерть братьев с оружием в руках затмевало все его помыслы в жизни. Но руководство милиции не принимало его доводов.

Самым важным аргументом против призыва отца в действующую армию являлась сложная обстановка в районе, где значительную часть населения составляли старoverы. Некоторые, по их вере, относили себя к пацифистам и отказывались брать винтовку в руки. К сожалению, в Бичуре (я имею в виду район) процветало дезертирство из армии, побег с фронта. Я иногда слышал, как отец говорил маме о новых случаях дезертирства молодых парней - уроженцев Малого Куна-лея, Окино-Ключей и других сел. Поэтому опытные оперативные работники ценились высоко, они поддерживали надлежащий порядок в районе. Не могу припомнить, чтобы в бичурской милиции служили молодые парни, в основном это были мужчины в возрасте 30-40 лет.

Отец неделями отсутствовал дома, находился в командировках по задержанию правонарушителей. Знаю, что бандиты дважды стреляли в него, и, по счастливой случайности, он остался жив и невредим. В этих случаях ему помогал опыт охотника - вовремя скрыться и внезапно появиться в нужном месте, чтобы задержать преступника.

А охотник он был великолепный. Времени на специальную охоту практически не было, так он использовал любую возможность поохотиться по дороге из командировки. Однажды привез 11 гусей, в другой раз подстрелил уток. Когда отец отправлялся в лес за дровами, всегда брал винтовку и однажды возвратился с дровами и мясом. В этот день на нашей улице был праздник, т.к. see близкие соседи получили кусок гуранины.

Война поглощала все, что необходимо для жизни человека. И здесь, в Бичуре, в глубоком тылу, она отражалась во всем укладе жизни людей. Все мы стойко переносили трудности. Нас подстерегали тяжелые инфекционные заболевания (зимой 1942-43 годов мы, дети, болели брюшным тифом). Одевались в латаные штанишки, на ногах ичиги с соломенными стельками (ичиги шила мама). Мы учились в школе, занимались домашним хозяйством.

Мне запомнился на всю жизнь страшный случай из милицейской практики в Бичуре. В то время смерть входила во многие дома, во многие семьи и воспринималась она как трагедия войны, как горе, которое трудно избежать. Но этот случай!

Если я не ошибаюсь, произошло это трагическое событие ранней весной 1943 года. Жили мы в это время на улице Калинина (бывшая Заводская), и райотдел милиции размещался там же. Начальником милиции был старший лейтенант Симаков (имя-отчество Симакова не помню). Его семья была эвакуирована из Ленинграда. В ней насчитывалось 8 человек (отец, мать, бабушка, пятеро детей). Зимой бабушка скончалась, так как не смогла преодолеть состояние голодной дистрофии, остальные же выжили при поддержке сослуживцев отца и соседей- кто принесет ведро картошки, кто кусочек ржаного хлеба, кто плоску крупы, свеклу, морковь. Бабушки-семейские угощали детишек молоком. Хлеб в магазине продавался по карточкам по нормам. На детей и неработающих взрослых 250 граммов, работающим -500 граммов. Были периоды, когда эта норма не выдерживалась и сокращалась в два раза. Я с приятелями летом ловил хариусов в реке Бичуре. Мы также «выливали» сусликов, тут же их свеживали и жарили на костре. В общем, выживали, как могли.

И вот, однажды отец приехал из командировки, и его вид свидетельствовал о каком-то

серьезном происшествии. По нашей улице пронесся слух о том, что убит начальник милиции Симаков. Сотрудники милиции, НКВД, суда, прокуратуры срочно выехали. Мы, мальчишки 10-12 лет, разузнали, что отряд поехал ловить дезертира-убийцу, который в лесу, вблизи села Окино-Ключи застрелил Симакова. Далее уже открыто рассказывали, как задержали убийцу. После того, как дезертир выстрелил в Симакова, милиционер, который был с ним в лесу и находился недалеко от места трагедии, побежал в село и поднял тревогу. Ранее милиции было известно, кто и где скрывается от закона, поэтому вблизи дома дезертира и у домов родственников устроили засаду. На рассвете следующего дня отряд окружил участок леса, где предполагалось нахождение дезертира. При подходе к зимовью отряд был встречен выстрелами. Воспользовавшись замешательством среди окруживших избушку, под прикрытием сумерек, деревьев и кустарников, в нижнем белье, босиком по снегу и проталинам, преступник добежал до села. Чтобы подойти к своему дому, ему нужно было перелезть через заплот. Он его перепрыгнул и оказался лицом к лицу с лейтенантом милиции Ефимовым, который и задержал его. Кстати, Ефимов был низкорослым мужчиной (165-167 сантиметров), а бандит не менее 190 сантиметров с огромными ручищами

К концу дня привезли задержанного в Бичуру. Он сидел на телеге со связанными по локтям руками. Из под шапки и мохнатых бровей сверкали настороженные глаза. Вокруг повозки шла многолюдная толпа стариков, женщин и детей. Люди хватали замерзшие конские шевики и бросали их в бандита со словами проклятий. Доставалось и охранявшим его милиционерам.

Что с ним было дальше, не знаю. Помню, что увезли дезертира в Улан-Удэ. Вскоре райотдел милиции перевели в центр Бичуры, и наша семья перебралась на Колхозную улицу в маленькую избу, где нашими соседями была усадьба семьи Утенковых, главой семьи был дед Лупон. Его сын Андрей (имя точно не помню) вернулся с фронта в 1945 году, а я дружил с его детьми Вассой и Георгием (Гошей). По окончании войны, летом 45 года, отца перевели в Кударинский район (позднее его объединили с Кяхтинским), райотдел располагался в селе Хамистодай. Но это уже другая страница нашей жизни. А Бичуру же я помню всегда.

*Николай Дмитриевич
Каратаев.*